

Кезалия Вердаль

**ПОСЛЕДНИЙ
ПЕРВЫЙ
ПОЦЕЛУЙ**

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Кезалия Вердаль

Последний первый поцелуй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69877639

SelfPub; 2023

Аннотация

Юна увлекается онейрологией – наукой о сновидениях, и пытается научиться управлять своими снами. Ведь уже больше года ей каждую ночь снится один и тот же парень, с которым она не знакома в реальной жизни. Кто он и почему навещает её каждую ночь? Юне предстоит разгадать тайну своих снов, а также опровергнуть или подтвердить, что сон есть маленькая смерть, а смерть лишь продолжительный сон. Засыпая, мы временно умираем, а умирая, засыпаем навсегда.

Кезалия Вердаль

Последний первый поцелуй

– Юна! Юна!

Вздрагиваю точно от электрошока и внезапно оказываюсь в лекционном зале. Жадно ловлю губами воздух, словно только что выплыла на поверхность после долгого погружения.

– Да, Евгений... – замолкаю, потом, опомнившись, бурчу: – ...Оскаревич.

При этом пронзаю препода уничижающим взглядом. Ненавижу этого урода. Совсем недавно мы были сокурсниками и люто друг друга ненавидели. Однако тогда он не мог ничего сделать дерзкой и противной мне. А теперь Евгений преподаватель, а я простая студентка, вынужденная слушать бред этого графомана.

– Ты уже профукала полжизни, а сейчас, когда выпал шанс реабилитироваться, решила вновь пустить все коту под хвост? – брызжа слюной Евгений начал капать на мозги.

Да пошел ты куда подальше! Во-первых, со студентами надо обращаться на «вы», во-вторых, не полжизни, а всего два года, а в-третьих, ты никакого права не имеешь учить меня жить!

Судя по тому, что челюсть Евгения познакомилась со шнурками, а в аудитории висит гробовая тишина, вышеопи-

санное было озвучено вслух. Ну ладно. Собираю вещи и направляюсь к выходу. Перед тем как злобно грохнуть дверью с ухмылкой прощаюсь: «До зачетов».

Вот их я точно не переживу.

Прильнув к окну автобуса, с завистью провожаю взглядом промчавшегося мимо мотоциклиста. Вот он ловко проскальзывает между машинами и исчезает на светофоре, а я... а я сижу в пробке. Когда вижу байкеров почему-то сразу всплывает сценка из КВН команды «Станция спортивная», поэтому лицо озаряет глупая улыбка. Вскоре энтузиазм заканчивается, с сожалением вздыхаю и продолжаю дальше пялиться на бесконечный ряд машин.

– Юна, здравствуй! А ты сегодня рано, – приветливо улыбается Эрик Михайлович. Мужчина со скучающим видом читал газету и явно обрадовался моему приходу. – У тебя же вроде занятия.

– Были, Эрик Михайлович, – пожимаю плечами и скидываю рюкзак у входа. – Приступим к делу?

Залезаю на кушетку и начинаю сама прилеплять к запястью и лбу липучки с длинными проводами, ведущими к сложнейшему прибору.

– Так рвешься с ним увидеться? – хмыкает профессор, помогая мне удобнее расположиться.

– Уже виделись, пока этот хмырь не оборвал сон, – заявила я и рассказала ученому о наших сложных взаимоотношениях с Евгением. – И все же, Эрик Михайлович, когда чело-

век тебе снится каждый божий день, это должно что-то значить!

– Должно, должно, – успокаивает ученый и садится за прибор. – Ладно, теперь начнем.

Вам удается запоминать сны?

Да/нет.

Не расстраивайтесь, если не относитесь к тем, кто может с легкостью пересказать приснившееся.

Не всем это удается.

А мне повезло. Все свои сны я помню. С детства верю в существование потустороннего мира снов, поэтому приучила себя вести дневник сновидений. Со временем это превратилось в привычку, а затем в способность. И только повзрослев узнала, что даже существует наука, изучающая различные аспекты сна – онейрология, чему и посвятила свою жизнь.

История изучения снов показывает, сколь серьёзным было отношение людей к этому вопросу во все времена. Люди обращались к снам для получения советов и даже для лечения. Эта практика известна под названием инкубация снов. Она была чрезвычайно популярна в древнем мире и являлась распространением обычаев в таких разных культурах, как Древняя Месопотамия, Египет, Греция и Рим. Причём, если в Древней Месопотамии главной целью инкубации снов было предсказание будущего, то в Греции в период эллинизма основной задачей было лечение.

Одно из наиболее интересных направлений в изучении

сна возникло совсем недавно. Это исследование осознанно-го сновидения. Человек переживает такой вид сновидение, когда понимает, что видит сон. Наиболее необычный аспект этого состояния заключается в возможности сознательного изменения содержания своих снов.

Чем сейчас я и занимаюсь.

В сон погрузилась быстро. На этот раз попадаю в яблоневый сад, в который любила лазить в детстве. Деревья вокруг просто клонятся под тяжестью фруктов, так заманчиво блестящих на солнце. Делаю шаг и с детской радостью ощущаю босыми ногами прохладную мокроватую траву. Хочется задержаться еще немного, вспомнить былые беззаботные деньки, но нужно идти. Следую в сторону дороги, надеясь найти *его*.

Его – молодого человека, которого встречаю во *всех* своих снах.

На протяжении уже более года в каждом моем сне присутствует один и тот же человек. Первое время я его и вовсе не замечала: парень не играл решающих ролей в сценариях моих снов. При каждой последующей встрече он занимается другими делами, одет в другую одежду, ведет себя по-другому.

Но он есть.

Со временем я отметила его присутствие. Причем единственное, чем он выделялся среди других участников сна, – полное безразличие к хозяйке мира грез, то есть ко мне. Он

как будто живет в своем мире, случайно затерявшемся в моем сне.

И мне захотелось узнать, кто он.

Но если мне удастся запоминать сны, это не означает, что могу ими управлять. Именно поэтому сейчас лежу тут под присмотром Эрика Михайловича.

Выхожу на дорогу и вижу Стаса, своего друга детства. Боже, он совсем не изменился – все тот же маленький мальчик, который теперь достаёт мне по пояс.

– Стасик! – зову я, и друг оборачивается. Он приветливо улыбается мне и манит в сторону реки.

Помню, мы всегда любили ходить на речку рыбачить. Мне никогда не удавалось поймать ни единой рыбешки, а вот Стас делал это превосходно. Беру его за руку, и мальчик ведет меня к водоему.

– Юна, ты должна найти его! – звучит знакомый голос.

Оборачиваюсь и вспоминаю: я ищу его.

Это голос Эрика Михайловича, напоминающий о миссии. Как он знает, что нужно вмешаться? Оборудование, которое создал профессор, позволяет отследить сердцебиение, температуру тела и активность мозга спящего. Каждый раз, когда деятельность организма снижается до определенного минимума (типа мы забылись сном), то ученый вносит «свою лепту».

Если говорить совсем просто, то когда человек спит, он полностью расслабляется и дает мозгу отдыхать. В те момен-

ты мы «пускаем все на самотек» и следуем течению событий, которые нам неподвластны. Но стоит напрячь мозг, мы вновь берем контроль в свои руки, что ученый и помогает мне делать.

Мягко отпускаю руку Стасика и останавливаюсь. Друг детства немного удивленно глядит на меня, но потом отступает и убегает прочь.

Иду дальше вдоль дороги. Встречаю знакомые лица и каждый раз, когда сбиваюсь с пути, голос Эрика Михайловича приводит в чувство.

Брожу уже очень долго. Ощущение, что скоро выйду за пределы поселка.

Наконец, мне удастся увидеть его.

Вот как всегда: вся деревня вышла мне навстречу, и только он тут один. Высокий худощавый молодой человек стоит на заднем дворе одного из домов и колет дрова. Каждое его движение точное и сильное, отчего полено раскалываются на ровные части. Парень так увлечен работой, что не замечает моего присутствия.

Он никогда не замечает меня!

Но теперь-то уж никуда не денется. Пересекаю дорогу и ярко представляю, как первыми словами станут: «Какого хрена ты постоянно мне снишься!»

Внезапно из-за угла выскакивает огромный грузовик и...

– Зяд! – чуть не падаю с кушетки, но удается схватиться мертвой хваткой за поручень.

– Как ты? Это опять случилось? – Эрик Михайлович освобождает меня от проводов и пытается привести чувство.

Ощущая себя спартанцем, пробежавшим пару дней без отдыха, то есть так же отстойно. С трудом удается нормализовать сбившееся дыхание, но сердце продолжает барабанить точно безумное. Хожу взад-вперед по кабинету, чем явно нервирую (или пугаю) Эрика Михайловича.

– Может, нам стоит прекратить эксперименты? – робко спрашивает профессор, когда залпом выпиваю стакан воды и плюхаюсь в его кресло.

– Нет.

– Юна, это не впервой.

– Нет.

– Каждый раз, когда ты пытаешься подойти к нему, вновь свершаются события той аварии.

– Нет.

– Неужели тебе...

– Да. Мне больно, Эрик Михайлович. Не отрицаю – мне больно и очень... очень страшно. Но я должна узнать, кто он и почему постоянно снится мне. Почему... почему каждый раз вновь случается авария? – запускаю пальцы в волосы, потом обнимаю колени, свернувшись клубочком. – Эрик Михайлович... мне просто нужно... надо узнать... Я не могу больше жить со своими страхами.

– Ладно, я понял. Сегодня выдался не самый удачный день. Попробуем завтра вновь?

– Хорошо. Я тогда еще отчеты принесу.

– Договорились. Отдыхай. Кстати, – внезапно его голос догоняет у выхода, – как ты неприлично ругаешься! Зад!

– Эрик Михайлович, не «зад», а «зяд». Это две разные вещи, – не соглашаюсь с упреком.

– Зяд? – его глаза лезут на лоб. Понимаю, он же профессор, таких слов знать и не должен.

– Злой Языческий Дух, – расшифровываю я. Судя по непонимающему взгляду ученого, он еще не врубился. – Черт это, Эрик Михайлович, черт.

~6~9~

Дома встречаются родители, которые вместе готовят ужин. Точнее мама готовит, а папа сидит в качестве моральной поддержки.

– Как дела в университете? – спрашивает мама, выкладывая блюда отцу на дегустацию.

Быстро прикидываю, стоит ли оповещать о том, что точно завалю один зачет и придется ходить раз так двадцать на пересдачу. Смотрю на папино улыбающееся и довольное личико (мама потрясающе готовит) и решаюсь промолчать до худших времен. Не люблю портить людям настрой.

– Да все супер! – одариваю домочадцев белозубой улыбкой, швыряю кеды в коридор и сажусь за стол. – А что это у нас здесь такое вкусненькое?

– Опять была у Эрика Михайловича? – интересуется отец,

наблюдая, как я хищно набрасываюсь на еду.

– Ыгы... – мычу с набитым ртом.

– Чем вы там занимаетесь? Никак не запомню слово.

– О-ней-ро-ло-ги-ей, – по слогам повторяю в сотый раз. –

Пап, неужели тебе так сложно запомнить, чем занимается любимая дочь?

– Сложно-то не сложно, просто зачем грузить память лишней информацией? – продолжает издеваться родитель.

– Совсем это не ерунда. Ты треть своей жизни во сне проводишь! – начинаю опять заводиться. – Сновидения – это реально существующий мир.

Последнее мы произнесли с отцом хором. Конечно, ведь это его я постоянно цитирую.

– Да шучу, Юн. Ну как я могу быть не в курсе твоих дел? – папа треплет меня по волосам точно пятилетнюю. К всеобщему сведению, его чаду уже двадцать два.

– Пап, я не маленькая! – принимаюсь качать права.

– Ну да, за стол садятся с невымытыми руками только настоящие леди, правда, Юн? – к подкалываниям присоединяется еще и мама.

– Двое на одного – так нечестно!

– Приводи своего молодого человека, – выразительно отзывается папа и возносит к небу вилку точно скипетр. – Пусть начнется равный бой!

Не удивляйтесь, что папа такой забавный. Нет, он не буйно-помешанный. Просто актер. А еще и комик. Поэтому к

его выкрутасам нам с мамой не привыкать.

– Ну ладно, вы тут тогда один на один поборитесь, а я пошла отчет строчить, – деликатно удаляюсь в свою комнату.

«В древнегреческой мифологии Бог смерти Танатос и Бог сна Гипнос были близнецами. Их называли сыновьями Ночи. По легенде, один из братьев – Танатос не смог победить могучего богатыря Геракла, зато его победил Гипнос. С тех пор считается, что Бог сна намного сильнее, чем Бог смерти. Сон есть маленькая смерть», – ставлю точку и отодвигаю лаптоп.

– Сон есть маленькая смерть, – зачитываю вслух. – А смерть лишь продолжительный сон. Засыпая, мы временно умираем, а умирая, засыпаем навсегда.

Мысль так затянула, что забрасываю писать отчет. Непроизвольно начинаю рисовать на попавшемся под руку клочке бумаги *его*. Большие глаза с совершенно неподходящими ему длинными ресницами. Угловатые черты лица, легкая щетина на подбородке. Растрепанная прическа и серьга в ухе.

Заканчиваю портрет и прицепляю его прищепкой к веревке, висящей по диагонали комнаты. Отхожу на шаг и люблю работой. На рисунке молодой человек получился таким же, как и на других многочисленных картинах, украшавших мою обитель.

Сдержанный, даже немного строгий, с грустным взглядом и... невероятно родной.

– Кто ты? Кто? – повторяю про себя один и тот же вопрос

день за днем.

Родители думают, что он мой любимый человек, которого скрываю и не хочу с ними знакомить; лучшая подруга – просто случайный прохожий, когда-то невзначай увиденный на улице; Эрик Михайлович – мнимый образ, воспроизведенный моим слишком развитым воображением.

Лишь я не знаю, кто он.

– Нет уж, этой ночью я точно узнаю, кто ты! – решительно захопываю ноут и ложусь спать. Завтра пара у Евгения, куда теперь мне вход воспрещен, так что успею еще написать отчет.

Говорят, у меня железные нервы. Не буду отрицать – так и есть. Мне удастся засыпать за считанные минуты, причем в любом положении. Сегодня не стало исключением. Однако, несмотря на воинственное заявление, погружаясь в сон, меня все больше терзало сомнение, что сумею справиться без напутствий Эрика Михайловича.

Да ну! Была не была!

Держу в руках увесистый томик «Происхождение видов» Дарвина.

Удивлены?

Я тоже. Поэтому запикиваю книгу подальше на полку и следую дальше вдоль книжных полок. Неужели я в библиотеке?

Ненавижу читать. Опять поражены? Озадачились, как девчонка, занимающаяся наукой и пишущая всякие отчеты,

не терпит чтение?

Вообще-то два года назад я была совсем не такой, как сейчас. Мне нравился драйв: я занималась скалолазанием, скейтбордингом, серфингом, пыталась овладеть навыками паркура. Но все же моим истинным увлечением были мотоциклы. Нельзя вообразить тот восторг, который ощущаешь при быстрой езде. Ты как будто летишь, нет, паришь над землей! При этом ничто не может остановить эйфорию.

Кроме... Но не об этом речь.

В общем, с тех пор пришлось отказаться от опасных видов спорта и самое экстремальное, чем мне дозволено заниматься, – это катание на карусели с трехлетним племянником. И это вовсе не смешно. Скорее прискорбно.

Отчего-то стало душно. Чувствую себя как Лэнгдон из «Кода да Винчи» в секретной библиотеке. Надо бы поскорее покинуть это место, а то уже мурашки по коже бегают.

Иду между книжными полками, которые тянутся нескончаемыми рядами. Интересно, когда-нибудь они закончатся? Перехожу на бег. Замечаю, что начинает сниться стандартный кошмар: чем быстрее бегу, тем дальше удаляется выход.

Резко торможу и отбегаю назад на пару книжных рядов. В самом углу, прислонившись к стене, сидит *он* и что-то увлеченно читает.

– А вот ты и попался! – радостно улыбаюсь и танком направляюсь в его сторону. – Теперь меня уже ничто не оставит.

Неожиданно стена в конце коридора с грохотом рассыпается, и в зал, снося книжные полки, врывается тот самый грузовик. Подобно домино громадные шкафы с фолиантами падают одним за другим, и я понимаю, что следующий просто-напросто задавит незнакомца. Кидаюсь к нему с истеричным криком «Нет!» и пытаюсь закрыть собой от сыпавших сверху толстенных томов.

«Сейчас проснусь», – быстро промелькнула мысль и также бесследно исчезла.

Раскрываю глаза и со всей выразительностью и артистичностью, которую смогла унаследовать от отца, кричу:

– Миас! – что расшифровывается как «Могущественное и Абсолютное Совершенство», то есть «Боже!» или «Господи!».

Все вокруг замерло как при стоп-кадре: падающие книги так и застыли в свободном полете, а накренившиеся полки окаменели в попытке превратить нас в лепешки.

Не верится! Я сумела установить контроль над собственным сновидением!

Опускаю взгляд и гляжу в заставшие глаза незнакомца. Всегда знала, что у него серые глаза с зелеными крапинками. Едва заметный шрам у брови, к которому, почему-то, захотелось притронуться. Рука уже была на полпути к цели, как внезапно меня хватают за запястье:

– И тебе здравствуй!

Молодой человек разворачивает к себе тыльную сторону

моей ладони и неожиданно для меня прикасается к ней губами.

~6~9~

Шлепок.

– Да что ты себе позволяешь! – влеплю ему пощечину и вырываю руку.

– А лапать чужие лица это можно, – ухмыляется в ответ молодой человек. Легко встает и отряхивается. Надо же, он еще выше, чем я ожидала. – Теперь ты объяснишь, что происходит и где мы?

В прямом смысле слова офигеваю и стою, уставившись на него во все глаза. Он задает мне вопросы? Это я надеялась получить от него ответы.

– А ты, Слава, оказывается, скотина, – пронзаю его ненавистным взглядом. Больше года снится мне, облепила все стены его портретами, теперь мы, наконец, общаемся, как говорится, вживую, а он мне такое выдает.

– Прости, как ты меня назвала? – озадачивается молодой человек.

– Слава, – повторяю я.

– Почему Слава?

– Зяд! – выругалась я. Славой его я обозвала сама, так как считала очень славным, а как парня зовут на самом деле, понятия не имею. – А как тебя зовут?

– Меня не зовут, я сам прихожу, – отстрелялся он шуткой

старой как мир. – Сама же называешь Славой, значит, Слава.

– Подожди, ты что, не знаешь собственного имени? – мое удивление растет в геометрической прогрессии.

– Я думал, ты знаешь, – пожимает беззаботно плечами. – Так что, ты теперь объяснишь, что происходит?

Молчу и продолжаю глядеть на него. Может, прикалывается? Хотя вряд ли... Либо он гениальный актер, либо искренне растерян. Гениальнее отца я не видела, значит, вариант второй.

– Слава, можно вопрос? – осторожно начинаю подходить к делу.

– Валяй, – добродушно соглашается парень.

– Ты как сюда попал? В библиотеку то есть.

Молодой человек внимательно смотрит на меня, оглядывается по сторонам, потом опять на меня. Затем разворачивает книгу, все еще державшую в руке, убирает ее на полку и признается:

– Не помню.

– Хорошо, – продолжаю расследование. – А где ты утром был?

– В деревне, – это почему-то он выдает сразу.

– Отлично. А вчера?

– На аэродроме, – ответ также дан моментально.

– А позавчера?

– Участвовал в гонках.

– Ты помнишь, как оказываешься в тех местах?

– Нет, – немного задумчиво отвечает Слава.

– Зяд!

Отступаю на пару шагов и хватаюсь за голову: еще говорю, что у меня проблемы. Да у этого парня амнезия – он помнит все места, где бывает, но не знает, как туда попадает.

Но и это не самое странное.

Все перечисленные им места совпадают с моими снами.

– С тобой все в порядке? – Слава заботливо кладет руку мне на плечо. – Что-то не так?

– Для кого как, – с трудом выдавливаю улыбку. – Слушай, Слав, как ты отнесешься к тому, если я скажу, что мы... пребываем в моем сне.

– В твоем сне, значит, – он сначала посерьезнел, затем хмыкнул: – смешно.

– То есть ты считаешь, что это бессмысленно?

– Естественно. Ну как мы можем быть в твоем сне? Либо я снюсь тебе, либо ты мне. Третьего не дано, – с уверенностью заявляет парень. – Да и вообще, мы в реальной жизни.

– В реальной жизни есть даже застывшие книги и падающие шкафы? – уточняю с сарказмом. – И что вчера бегаешь по аэродрому, а сегодня уже колешь двора в деревне?

Мои слова явно вызвали у него фейерверк эмоций.

– Так, щас, – Слава хмурится и отходит в сторону.

Даю ему время на размышления, а сама брожу вдоль книжных полок в поисках интересенького. Как же это круто управлять снами! Теперь никакие грузовики не помеха.

– Слушай, забыл спросить, как тебя зовут, – внезапно спрашивает Слава, выйдя из комы.

– Юна.

– Юна, все, что ты сказала, правда? Я все это время нахожусь в твоих снах? – реальность дается ему с трудом.

– Да.

– В таком случае, как тебе удастся разговаривать со мной?

Рассказываю ему о совместном проекте с Эриком Михайловичем и об онейрологии. Слава вновь плюхается на пол и постукивает пальцем по колену.

– И как давно я снюсь тебе?

– Больше года.

– Почему?

– Это я хотела спросить у тебя, почему. – Сажусь с ним рядом и гляжу прямо в глаза. – Ты знаешь меня?

Слава внимательно смотрит на меня, пытаюсь хоть что-то припомнить, затем отворачивается.

– Нет. Я тебя впервые вижу.

– То есть до этого, даже когда ты был во всех моих снах, тоже меня не замечал? – продолжаю удивляться странным подробностям.

– Нет. Я просто бывал где-то и делал что-то... на автомате. Может, я робот?

– Интересное предположение, но вряд ли, – смеемся глупой шутке. – Скорее всего, мы жертвы сценариев сновидений.

– Это как? – видимо, молодой человек таких заумных слов не знает.

– Поясняю: когда мы спим, подсознательное полностью берет контроль над происходящим и само определяет твоё поведение. Я до сегодняшнего дня не могла управлять снами, и, видимо, на подсознательном уровне не хотела, чтобы мы встретились, – стараюсь объяснить как можно более понятно.

– Почему ты не хотела со мной видеться? – на полном серьёзе задаёт вопрос Слава.

– А мне откуда знать? У моего подсознательного спроси, – недовольно огрызаюсь. Если бы знала, то не пыталась бы искать ответы.

– Может, ты мне денег должна? – опять шутит и пытается ущипнуть меня за щеку.

– А может...

Писк будильника оповещает о наступившем утре.

~6~9~

– Эрик Михайлович, вы просто не поверите! – врываюсь в кабинет профессора и кидаю на стол отчет.

– Евгений предложил тебе жениться? – подначивает учёный, поправляя очки.

– Да! То есть, что? – на порыве счастья не совсем понимаю, о чем речь. – Нет же, Эрик Михайлович! Какой ещё Евгений! Пошел он в баню! Мне это удалось!

– Что удалось? Угрожать Евгения?

– Ну что вы привязались со своим Евгением! – в обычные дни я бы обиделась на его шутки, а сейчас уже все равно. – Я могу управлять снами и разговаривать с *ним*.

Эрик Михайлович поспешно усаживает меня в кресло и наливает чай.

– Рассказывай же! Как тебе это удалось?!

Сделав большой глоток ароматного зеленого чая, принимаюсь пересказывать вчерашний сон в мельчайших подробностях.

– Деточка, да ты станешь всемирно известной! – предсказывает мне Эрик Михайлович великое будущее. – Ты записала это где-то?

– Естественно! А отчет тогда зачем? – с великим энтузиазмом сую ему в руки стопку бумаг. – Ладно, вы читайте, а я домой.

Мое заявление слегка его напрягло:

– Куда? В смысле, зачем?

– Ну как зачем? Продолжать дальше заниматься исследованиями! – кричу уже с порога. – Я обязательно завтра опять зайду с докладом.

Эта ночь должна быть еще увлекательней.

– Славка! – зову я, прохаживаясь по салону самолета.

Пассажиры глядят на меня с любопытством, но какая разница? Это же мой сон, так что могу делать что хочу.

– Юна, у тебя какое-то извращенное воображение! – доносится возмущенный голос Славы. Оглядываюсь в поисках парня. – Почему теперь я должен быть еще и стюардом?

Парень прятался за ширмой и явно не собирался покидать убежище. Заглядываю к нему и с трудом скрываю восхищение: да он выглядит очень даже прилично.

– Чего ты затаился, партизан? Нормально смотришься, – подбадриваю парня, – выходи.

Недовольно поправляя фирменный галстук с логотипом авиалинии, молодой человек что-то бурчит о больных фантазиях и присоединяется ко мне:

– Ну что, стюардесса по имени Жанна, чем удивите сегодня?

– Может, этим? – лукаво улыбаюсь и щелкаю пальцем.

Я не была уверена, что уже с первой попытки получится так стремительно изменить ход событий. После щелчка самолет накренился и начала падать. В салоне поднялась паника, а отовсюду доносился голос пилота, пытавшегося успокоить пассажиров. Как в излюбленных боевиках к всеобщей катастрофе присоединился еще и открывшийся люк, в который, естественно, стало меня затягивать.

– Сдурела?! – кричит Слава, хватая меня за руку. – А ну отмени свой дурацкий сон!

Вовремя прихожу в себя: моментально самолет продолжает мирно свой полет, а люк возвращается на место. Мы со Славиком подчиняясь закону гравитации падаем на пол.

– Спасибо, – улыбаюсь как последняя дура, глядя на рас-
трепанного молодого человека. – Не ожидала.

– Чего?

– Что ты окажешься таким... сильным. – Чувствую, что
краснею.

– Пожалуйста, – бубнит что-то невнятное и отворачива-
ется.

– А знаешь, что самое смешное? – продолжаю его дока-
нывать.

– Что?

– Что я жутко боялась летать на самолетах. А теперь вроде
ничего.

– Правда?

– Вроде.

С тех пор каждая наша встреча развивается по новому сю-
жету в зависимости от того, каким изощренным окажется на
тот раз мое воображение. Мы управляли космическим ко-
раблем, поднимались на самую высокую вершину, плавали с
аквалангом, участвовали в гонках на выживание.

Мы были везде и могли все.

Во сне.

Не зря я дала молодому человеку имя Слава – он действи-
тельно оказался славным и удивительным человеком. Каза-
лось, он умеет все и знает обо всем.

Кроме того, кто он есть на самом деле.

О собственном прошлом Славик не помнит абсолютно

ничего: ни где живет, кем работает, есть ли у него семья, и самое главное – как мы вообще оказались связаны. Первое время мы еще пытались что-то вспомнить, угадать, предположить, но потом вопрос волновал нас все меньше и меньше.

Зачем заморачиваться над вчерашним днем, если можно жить настоящим. Только вопрос: каким – реального мира или мира снов?

– Вылезай, наконец, из кровати, корова! – кто-то вырыгает меня из самой гущи стрельбы и срывает покрывало. – Блин, еще называет себя серфингисткой, скейтбордисткой. Стритрейсер хренов! Поднимай свою задницу!

– Наташка, отстань! – пытаюсь зарыться в подушку и опять забыться сном.

– Ты больная?! На улице жарень, солнце всю светит, а ты тут как амеба расплылась! – подруга не сдается и сталкивает меня с кровати.

Пребольно шлепаюсь пятой точкой о пол и потираю ушибленное место.

– Ты садистка! – начинаю завывать и показываю обидчице язык.

Наташа помогает вновь взобраться на кровать и садится рядом.

– Ладно, колись давай, – подруга легонько бьет меня кулаком по плечу, – ты чего теперь как медведь на спячке? Лапу, случаем, не сосешь еще?

– Да иди ты! – смеюсь и демонстрирую безупречные ручки. – Ты точно знать хочешь?

– Естественно! Так говоришь, прямо мне неинтересно, почему моя лучшая подруга выпала из жизни и постоянно обнимается с подушкой. Может, ты в депрессию впала?

– Не, тут кое-что похлеще. Ты это, только не рассказывай никому, ок?

– Да рассказывай уже!

Срываю с веревки первую попавшуюся картинку Славы и показываю Наташе.

– Как думаешь, он реальный чел?

– Ну конечно. Я же тебе говорила – образы людей, которых мы видим во сне, не появляются из ниоткуда. Мы где-то встречались с ними, поэтому мозг и воспроизводит во снах.

– На этот раз мы ошиблись. Я этого парня никогда в жизни не встречала, он меня тоже. Но каждый день мы видимся в моем сне.

– Стоп, притормози. – Наташа морщится и трясет головой. – Как это вы видите? У вас что, совместные сны?

– Да! – делюсь с восторгом о проекте онейрологии. – Мы с ним познакомились в моих снах!

– Ты бредишь, Юна! – подруга гладит меня по волосам и сюсюкается: – Бедненькая, свихнулась на нервной почве.

Отстраняюсь от ее нежностей и начинаю злиться:

– Ты что, не веришь мне?

– Конечно нет! – Наташа тоже повышает голос и направ-

ляется к выходу: – Хватит чушь нести. Пойдем лучше погуляем.

– Нет, я не пойду. – Складываю руки перед грудью и упрямо отворачиваюсь.

– Почему?

– Потому что Славик реальный.

– Ну что ты завелась, как маленькая! – Наташа плюхается опять рядом и обнимает за плечи: – Ладно, пусть он реальный. Только ты не можешь спать с ним 24 часа в сутки. Посмотри на себя: ты набрала килограммов 10, наверно. Выглядишь как полный отстой!

– Ну, спасибо, – скидываю ее руку и вновь ложусь. – Закрой, пожалуйста, дверь с другой стороны.

– С удовольствием.

С тех пор я лишилась лучшей подруги.

Каждое утро, вылезая из постели, мечтаю, чтобы скорее наступила ночь и вновь увидеть Славу. Реальность отдаляется и становится даже менее правдоподобной, чем сновидения. Единственное, что мне нужно, – это сон, в котором вновь могу встретиться со Славой. Но организм не всегда это воспринимает. Почему-то ему хватает восьми часов. Тогда на помощь приходят снотворные.

Чаще пропускаю занятия. Так как постоянно спать дома нельзя, приезжаю для этого к Эрику Михайловичу. Однако со временем профессора это тоже достало, и он запретил навещать в исследовательский центр без отчетов и весо-

МЫХ ПОВОДОВ.

К Эрику Михайловичу теперь тоже заявляюсь крайне редко. О чем мне отчитываться? О том, как вчера великолепно провела со Славой время?

Наверное, моей деградации не было бы предела, если бы не разговор с самим Славиком.

– Юна, можно спросить? – парень ставит передо мной фруктовый шейк.

Сегодня мы на гавайском пляже, куда мечтали попасть всю жизнь. В крайнем случае, я хотела. Мы же ничего не знаем про его прошлое.

– Валяй, – делаю большой глоток и поправляю цветок в волосах.

Почему-то рядом с ним хочется флиртовать, что весьма странно. Меня окружающие считают сухой и неромантичной. Наверное, поэтому меня и бросил последний молодой человек.

– Расскажи про свою семью, друзей... – просит он.

– Хорошо, – легко соглашаюсь и начинаю длинный и красочный рассказ о близких. – Кстати, а почему ты вдруг спросил?

– Мне просто интересно, – он внезапно замолкает и краснеет, – кто окружает тебя в реальной жизни. Просто в последнее время ты слишком много времени проводишь со мной. Когда ты в последний раз разговаривала с мамой, ездила на концерт отца, гуляла с Наташей и посещала универ-

ситет?

– То есть тебе неприятно, что я нахожусь тут с тобой?! – кровь приливает к лицу. С грохотом отодвигаю бокал и пронзаю его стервозным взглядом.

– Нет, зачем ты драматизируешь? Мне очень нравится проводить с тобой время, ты замечательная девушка. Я действительно никогда еще не встречал такой... – оправдывается он, но меня уже ничего не волнует, кроме собственного гнева.

– Ага, но что-то тебя становится слишком много. Короче, девочка, оставь меня в покое и вали отсюда?

– Юна, блин, перестань! Я просто волнуюсь за тебя. Ты проводишь со мной не менее 12 часов в сутки или даже больше. А как же родители? Друзья? Я не хочу лишать тебя личной жизни, Юна. Ты понимаешь? К тому же это просто нереально только спать. Твой организм не вытерпит.

– Но... – хочу что-то сказать, но слышу новые голоса.

– Юна, – мама осторожно прикасается к моим волосам. – С тобой все в порядке?

– Да, конечно, – сладко потягиваюсь и прижимаю к щеке подушку. Улыбаюсь и стараюсь вести себя естественно. – А ты сама как?

– Знаешь, мне тут твой староста звонил, – извиняющим тоном говорит мама, – сказал, что ты, может, будешь не допущена к практике.

– Это еще почему? – резко вскакиваю и смотрю на маму.

Для меня такое заявление не сюрприз, но она-то об этом не знает. Спасибо маме, что во мне есть задатки актера: удивление получилось искренним.

– Говорит, у тебя много несданных работ и пропущенных занятий. – Мама молчит и неожиданно спрашивает: – Это из-за того мальчика? – Родительница кивает в сторону картин со Славой. – Ты его рисуешь день и ночь, будто с ума сходишь. Но я все равно не понимаю – как он может повлиять на тебя, если ты теперь практически постоянно дома сидишь в своей комнате. Я будто снова отдаляюсь от тебя.

«Сплю я, мам», – хочется выдать ей истину, но вместо этого обнимаю крепко-крепко и целую в щеку:

– Он не виноват. Наверно, староста завидует, вот и вякает чушь.

– Юна, ты знаешь, я очень переживаю. Так боялась, что потеряла тебя один раз, второго раза я уже не переживу, понимаешь? – в ее глазах заблестели слезы.

– Ты не переживай, мам, никуда я не денусь, – крепко сжимаю ее ладонь. А Слава прав: пора пересмотреть себя. – Та авария... те страхи... Все позади. Клянусь, все отлично. Я уже получила направление от Эрика Михайловича на практику в его клинику.

– Хорошо, Юна. Я люблю тебя, – чувствую на щеках мамин поцелуй. – Не покидай меня, договорились?

– Обещаю, мам. Все будет круто.

Круто реально было, когда я решила разобраться со ста-

ростой-ябедой. После нашей беседы паренек постарался на славу, что мне практически без труда удалось сдать все зачеты и экзамены и получить допуск на практику.

Сегодня я на ночном дежурстве в клинике Эрика Михайловича. Неимоверно тянет спать, но я, все еще трезвая на голову и не желающая разочаровывать маму, стойко терплю и брожу по коридорам, чтобы отогнать сон.

– Славка, вот бы к тебе сейчас... – ною как последний призрак, понимая, что готова просто сесть на холодный кафель и откинуть копыта.

Внезапно взгляд натывается на табличку: Дамир Солнечный.

– Вот это имечко! – с восторгом подбегаю к двери и читаю историю болезни пациента палаты. Однако с каждой новой подробностью мой настрой падает все ниже и ниже.

«Диагноз: Глубокая кома».

Перехватывает дыхание от жалости к незнакомцу со странным именем. Человек в коме находится в бессознательном состоянии, он не реагирует на голос, другие звуки и вообще все, что происходит вокруг него. Организм при этом все еще жив и функционирует, но мозг находится на самой последней ступени бдительности.

Внезапно захотелось взглянуть на него и узнать, за что человека могла так наказать судьба.

Медленно раскрываю дверь и захожу в абсолютно темную

комнату. Подхожу к окну и раздвигаю шторы. Мягкий свет от уличных фонарей пробивается сквозь окно и освещает лицо пациента. Прижимаю ладонь ко рту, чтобы не закричать. – Слава! – все-таки не удается сдержать шепот.

Подхожу к нему и не узнаю близкого человека. Те же черты лица, серьга в ухе, шрам у брови, взъерошенные волосы. Вроде это и есть мой Слава, но какой-то чужой и... безжизненный. Пугает неестественная бледность, впалые щеки и полное безразличие.

От страха ноги подкосились, и я чуть не упала. Пячусь к двери и, нашарив ручку, выскальзываю в коридор. Прижимаюсь спиной к стене и пытаюсь не зарыдать.

Той ночью я не сомкнула глаз. Мне просто было страшно. Причем это новый страх. Боязнь скорости и экстрима мы со Славой уже преодолели, причем не только во сне, но и в реальной жизни.

Теперь я боюсь за Славика и наше будущее.

Миас, какой же я была глупой. Неужели думала, что у наших отношений будет какой-то финал. Мы даже никогда не задумывались, где на самом деле пребывает Слава, и просто наслаждались совместно проведенным временем. Какие же мы глупцы.

Теперь сижу в кабинете Эрика Михайловича в ожидании ответов. Ученый достает толстенную папку личного дела пациента и кладет передо мной. Не шевелюсь. Просто боюсь

притронуться к бумагам.

– Дамир лежит в нашей клинике уже более года. Он попал сюда в результате аварии, получив черепно-мозговую травму.

– У него есть шансы? – еле удается задать вопрос. Ощущение, что по голове бьют молотком, но это всего лишь пульсация вены.

– Никаких.

– Ни малейших?

– Уже с самого начала. – Эрик Михайлович с сожалением качает головой. – Лишь в ближайшее время его мозг стал проявлять большую активность, но этого недостаточно.

– У него есть родные, близкие?

– Осталась мама.

– Дайте мне ее адрес, пожалуйста.

– Ты уверена?

– Эрик Михайлович, – сглатываю ком в горле, – вы же знаете, насколько я серьезно настроена.

Мужчина передает мне клочок бумаги с адресом. Беру его трясущимися руками.

– Спасибо.

– Удачи, Юна.

– Удача всегда актуальна.

Мать Славика проживала на окраине города в однокомнатной квартирке. Женщина не сразу мне открыла, но когда

услышала, что я знакомая сына, поспешно впустила.

– Дамир закончил школу с золотой медалью и технический университет с красным дипломом, – пенсионерка с гордостью указывает на шкаф с многочисленными грамотами и наградами. – Мастер на все руки. Его пригласили принять участие в каком-то государственном проекте, да не успел...

– А что с ним случилось? – дыхание сбивается.

– Авария, доченька, – глаза женщины стекленеют. – Говорила всегда ему, что небезопасно ездить на этих мотоциклах. Причем до сих пор загадка, как это вообще случилось. Никаких свидетелей...

Мама Славы еще долго рассказывала о сыне. С фрагментами ее воспоминаний я сумела восстановить полный образ любимого человека.

Да, именно любимого.

Это я осознала, когда почувствовала, что мне интересно знать о нем все до мельчайшей подробности. И я не разочаровалась: Слава именно тот, кого я искала так долго.

С детства Дамир отличался любознательностью, тягой к знаниям и умением применять приобретенные знания на практике. Он с удовольствием читал книги, занимался самообразованием. Самостоятелен, не требовал помощи родителей в тех делах, которыми занимался.

К серьезному и всезнающему Дамиру тянулись сверстники, которыми он мастерски верховодил. Он легко превращал их в своих единомышленников и помощников, хотя ни-

когда не злоупотреблял их доверием – просто он обладает незаурядными организаторскими способностями, умением увлечь всех одной идеей. Таким он остался и повзрослев.

Дамир был послушным сыном, никогда не огорчал родителей, не противоречил им, но поступал всегда по-своему. С Дамиром легко и интересно, он полон нереализованных идей. Щедр душой, доброжелателен.

Именно таким я его и знаю.

Той ночью мы вновь встретились.

– Почему тебя вчера не было, – молодой человек неуверенно берет меня за руку. Он ведет себя как подросток, впервые познакомившийся с девушкой. – Неужели ты не спала целые сутки?

В его голосе прозвучал сарказм. Пытаюсь улыбнуться, но не получается.

– Славик, – крепче сжимаю его ладонь, – я хочу кое-что тебе сказать.

– А можно я сначала? – лукаво ухмыляется и продолжает: – Знаешь, мы знакомы, – останавливается и делает акцент: – действительно знакомы всего ничего, но за это короткое время ты успела стать для меня очень, очень важным человеком. Я не знаю, кем был, чем занимался, чего хотел... Теперь для меня это неважно, главное, чтобы ты всегда была рядом. Юна, я люблю тебя. Ты согласна полюбить такого человека без прошлого как я?

Молчу и пытаюсь сдержать слезы. Он смотрит на меня и не понимает. Закрываю глаза, обжигающая слеза скатывается по щеке.

– Ты чего, Юн? Так расстроена моим признанием? – легко прикасается к моему лицу и вытирает слезу. – Не хочешь быть с парнем со склерозом? Обещаю, если свое прошлое я профукал, то для верности наши свидания буду записывать в ежедневник.

– Нет, нет, Славик, – смеюсь. Зачем он постоянно меня смешит? – Я... Я готова любить тебя, какой ты есть. И... Славик, и не только во сне. – Ловлю его непонимающий взгляд. – Я узнала, кто ты в реальной жизни и где находишься.

Пару секунд он выглядит растерянным.

– Расскажи, что со мной? – робко просит он и делает глубокий вдох.

Беру его за руку и начинаю рассказ: про маму, детство, отрочество, школу, университет, друзей и просто про его жизнь. Слава слушает молча и сильнее сжимает мою ладонь.

– Я теперь лежу в коме? – его голос обрывается.

– Да.

– Совершенно бесполезный и никому не нужный?

– Ты нужен маме... и мне, – обнимаю руками его лицо и разворачиваю к себе. – Славик, я решила, я буду делать все возможное, чтобы продолжать поддерживать в тебе жизнь. Не бойся, я постараюсь...

– Юна, – кладет палец на мои губы, долго молчит и, наконец, решается: – так нельзя.

– В смысле?

– Я не хочу, чтобы ты с мамой страдали. Зачем вам недвижимое тело? Проще дома пальму посадить.

– Нет, но ты живешь в моем разуме, мы можем так продолжать... – пытаюсь уговорить его.

– Юна, но это мир снов! Мы живем в твоем сне! А реальность? Ты должна учиться, работать, завести семью, детей. Ты собираешься нянчиться с воображаемым ребенком?! – его голос срывается на крик. – Это просто безумие! Я не хочу ломать тебе жизнь своей уже сломанной судьбой. К тому же неизвестно, сколько еще протянет мое загнившее тело.

Плачу.

Нет, рыдаю.

Он прав, он миллионы раз прав, но я не хочу этого воспринимать. Он нужен мне. Даже такой. Я смогу оплачивать его больничные счета.

А реальный мир... зачем он, если нет рядом Славы... или Дамира.

– Юна, – он прижимает мое заплаканное лицо к своей груди, – обещай мне. Слышишь, обещай, что прекратишь это завтра. Позвонишь моей маме и пригласишь в больницу. Скажешь, что я люблю ее, что это мой выбор. *«Пусть сон придет, разгонит грусть, начну тогда я новый путь»*. Запомнила?

– Не-е-ет, Слава, я не смогу... Я не...

– Ты можешь. Ты сильная девочка. Я верю в тебя.

– Я боюсь. У меня еще столько необузданных страхов...

Слава, я не смогу преодолеть их без тебя.

– Давай тогда одолеем вместе. Говоришь, причиной твоих страхов была авария? Создай мотоцикл. Если ты говоришь, что в прошлом я был отличным водителем, то с легкостью помогу тебе. Согласна?

Киваю. Напрягаю фантазию и материализую мотоцикл. У меня никогда не получалось создавать что-либо во снах, только изменять его сюжет. А сегодня это случилось.

Слава садится за руль и помогает мне усесться сзади. Заводит мотор и трогаемся.

С каждой секундой Слава разгоняется все быстрее, отчего проносившийся вдоль дороги лес превращается в темно-зеленое размытое пятно. Внезапно осознаю, что сама нахожусь за рулем и несусь на бешеной скорости. Славы нигде не видно.

Перекресток. Слева выскакивает грузовик и несется на меня.

Внезапно рядом оказывается мотоцикл, который задевает меня и отбрасывает в сторону. Удар от надвинувшей махины приходится на него. Мелькают знакомые серые глаза с зелеными крапинками.

– Слава! – кричу я, захлебываясь в слезах, и просыпаюсь.

Слава безмолвно лежит на кушетке. Все также безмятеж-

но и отстраненно.

Он спас мне жизнь! Он и есть то чудо, которое свершилось в тот миг! Вот каким образом я выжила в тот день!

Зачем? Зачем? Зачем?!

– Слава! Почему ты это сделал? Это я должна была быть на твоём месте! Миас, зачем?! – толкаю его плечо и от злости бью по груди. Тело иссохшее, слабое, худое, которое даже не отреагировало. Ни единый мускул не дрогнул, что ещё сильнее меня разозлило. – Кто я была для тебя? Зачем вдруг выскочил на дорогу?

День аварии всплывает в памяти как кадры из кинофильма. В тот день я рассталась со своим молодым человеком и очень сильно расстроилась, вскочила на мотоцикл и понеслась куда глаза глядят. Я ехала не разбирая пути и каким-то образом оказалась за пределами города. Все это время краем глаза я замечала за собой «хвост».

«Да кто это ещё такой?! Оставь меня в покое!» – подумала я тогда и сильнее дернула газ.

В тот момент появился грузовик.

Не знаю, сколько просидела у его постели в таком состоянии. Я пыталась раз за разом вновь погрузиться в сон, но организм сопротивлялся. Не помогали уже и таблетки.

Держу его холодную ладонь. Медленно, еле слышно стучит его сердце. Покалеченное тело сильное душой и разумом.

Четыре часа утра.

Пять.

Шесть.

Семь.

Набираю номер его матери. Женщина приехала через час. Она переживает шок от рассказанного мною.

– Он сказал, что любит вас и что это его выбор, – говорю именно то, что просил Слава.

– Я не верю. Мой сын не мог... – она прижимает платок к заплаканному лицу.

– Пусть сон придет, разгонит грусть, начну тогда я новый путь, – повторяю его заклинание.

Глаза женщины стекленеют.

– Откуда вы... – она узнает знакомый детский стишок Славика. – Неужели это вы и есть?

– Простите?

Мама Славы достает из кармана листок и передает мне.

– Это я нашла в его вещах после того как вы ушли.

Разворачиваю записку и смотрю на ровный аккуратный почерк Славы.

Уже больше месяца замечаю девушку у въезда в парк. Я никогда еще не видел более прекрасного создания, чем она: сильная, волевая и харизматичная. Каждый раз она сюда приезжает на черном мотоцикле и участвует в местных конкурсах по стритрейсингу.

Завтра я обязательно познакомлюсь с ней. Решено.

23.06.09

Двадцать четвертого июня я попала в аварию. Он знал меня все это время.

В тот день мой молодой человек тоже приехал на собрание и на глазах у всех бросил меня, заявив, что мне дороже ловить «кайф» в компании мотоциклистов, чем с ним.

– Да, – неловко сворачиваю лист и прячу в карман. Это единственная вещественная память о нем. – Это я.

Она молча кивает и отходит к Эрику Михайловичу, которого я попросила присутствовать в этот решающий момент.

– Слава, Дамир, помни, ты всегда останешься самым славным человеком для меня. Я люблю тебя. Пусть это будет наш последний первый поцелуй.

Снимаю аппарат для поддержания проходимости дыхательных путей и прикасаюсь к его губам. Таким холодным и безжизненным.

Оборудование рядом отсчитывает последние биения сердца.

Пип. Пип. Пип. Пиииииии.....

Этот звук отзывается в моей голове день за днем. Мои сны без него пусты.

Сильнее жму на газ и закрываю глаза. Совсем рядом грохочет надвигающийся поезд.

Слава, а ты знаешь, что засыпая, мы временно умираем,
а умирая, засыпаем навсегда.

Как насчет вечного сна?

Пип.

Боль уходит.

Пип.

Чувствую легкость в теле.

Пип.

Славик, ты рад меня видеть?

Пиинииииии.....

Москва, 19.06.2011